

Глава 22

«Вся власть Советам!»

В сентябре 1993 года с выходом в свет «исторического» антиконституционного Указа Президента начался завершающий этап контрреволюционного переворота. После расстрела Верховного Совета Российской Федерации народо-властие в лице Советов прекратило свое существование. В стране установился авторитарный режим. Исторический круг замкнулся в еще худшем варианте, чем в доперестроечные времена.

«Перестроечное» и «постперестроечное» время в сфере народовластия я разделил бы на два периода, каждому из которых соответствовал один из взаимоисключающих лозунгов: «Вся власть Советам!» и «Долой власть Советов!»

Слово «Советы» было да и остается в сознании многих людей синонимом власти народа. Вот почему всяческие перевертыши уже несколько лет подряд нещадно топчут Советскую власть в печати, по телевидению и радио. Лозунг «Вся власть Советам!» был реализован в результате Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей путь к созданию республики Советов.

К сожалению, дальнейший ход истории привел к тому, что властные функции Советов становились все более формальными, поскольку они постепенно сосредоточивались в органах партийного руководства. И поэтому вполне естественно, что когда в связи с перестройкой встала задача фактически вернуть нашему обществу подлинно социалистический облик, то одним из важнейших направлений ее решения явилась всесторонняя демократизация страны и в первую очередь — возвращение реальной власти Советам народных депутатов. Так в 1988 году на поверхность политической жизни вновь всплыл лозунг «Вся власть Советам!».

О причинах неосуществления живучего лозунга я позволю себе поговорить позже. А здесь я хочу сам вспомнить и другим напомнить красивую и обнадеживающую историю о том, как идея народовластия обрела вторую и, казалось, долгую жизнь.

То, что падкими до красотостей журналистами было названо «апрельской революцией 85-го», на деле было официальным признанием и обозначением задуманных при Андропове в 83 году реформ в экономике. Подчеркиваю: только в экономике. Даже несколько позже объявленные гласность и демократизация в начале еще ничего не меняли в политическом устройстве страны. Политика по-прежнему опиралась в то время на всемогущество партии, которая занималась всем и всеми, и идеологический штамп «Партия — наш рулевой!» никем под сомнение не ставился. Пока не подрос, не оперился тот лихой и остроумный кавказец, который фальцетом бросил с экранов телевизоров: «Партия, дай порулить!...»

Но в недрах самой партии вызревало ясное, хотя и не слишком оформленное понимание того, что много позже станет расхожей фразой: так дальше жить нельзя. Политическая система в условиях последовательной экономической реформы неизбежно требовала ее, системы, изменений. Нас, экономистов и производственников, это тревожило особенно. Мы отлично понимали, что хозяйственные управленческие функции все сильнее сосредоточиваются в руках партийного руководства всех уровней. Более того, обладая безраздельной властью, партия — в лице ее лидеров — не несла ответственности за происходившее в стране. В сложившейся политической системе законная конституционная власть — Верховный Совет и Советы иных уровней во многом лишь оформляли заранее подготовленные в партийных структурах или в органах исполнительной власти, но все равно одобренные партийными руководителями проекты решений. Избирательная система становилась все более фиктивной. Авторитет Советов, таким образом, размывался, хотя по своей природе и потенциалу они содержат в себе все необходимое для эффективного демократического управления государством и обществом.

Я уже говорил, что в нашей стране политика всегда довлела над экономикой, диктовала ей, хотя во всем цивилизованном мире все как раз происходит наоборот. Но вот «апрельская революция» внесла в это соотношение двух основных сфер жизни общества существенные изме

нения, хотя полной «смены власти» здесь еще не произошло.

В последнее время можно нередко услышать утверждения, что перестройка проходила без всякого плана. Попытаюсь внести ясность и в этот вопрос. Здесь надо различать такие понятия, как концепция и конкретная программа действий. Так вот, концепция перестройки во всех сферах жизни была — я уже перечислил в одной из глав ее постулаты. В экономике же мы пошли дальше — у нас была и вполне конкретная программа поэтапных действий: вспомните широкомасштабный эксперимент 84—87 годов, выработку качественно новых методов хозяйствования в 87-м, программу перехода на рыночные отношения в 1990 году.

Экономика есть сила необыкновенная. Когда мы стали постепенно уходить, по сути, от жесткой планово-распределительной системы, она произвольно заставляла реформироваться все, с ней связанное, в том числе и политику. Я бы сравнил этот процесс с проявлением фотографии. Всякий, кто когда-либо увлекался этим искусством, помнит, как при тусклом красном свете на белой бумаге возникают сначала лицо, потом руки-ноги, потом весь человек, а в конце — все детали обозначаются. Так и в политической жизни страны постепенно проявлялись контуры отдельных частей целого — жизни общества и государства. Например, с неизбежностью возникла идея гласности — еще далеко не свободы слова и печати, но это был огромный шаг вперед по сравнению с эпохой молчания и граждан, и средств массовой информации. Это был реальный первый шаг в процессе демократизации других, за пределами экономики, сфер жизни. Правда, сегодня «истинные демократы» решили забыть, что впервые о насущной необходимости политических реформ заявила именно КПСС — на XIX партконференции в июне 1988 года. Впрочем, такая «забывчивость» вполне в духе их понимания и гласности, и порядочности.

Первый вопрос на конференции, как и всегда, был чисто экономическим: об итогах первой половины двенадцатой пятилетки, о дальнейших задачах партийных организаций в связи с ними и в свете хода перестройки, конечно. Второй же вопрос был посвящен дальнейшей демократизации жизни партии и общества. Докладывал по обоим вопросам Горбачев. И произнес он верные слова: «Сегодня надо иметь мужество признать: если политическая система останется неподвижной, без изменений, то мы не справимся с задачами перестройки».

И дальше он перечислил семь принципов политической реформы, как некогда ранее — тоже семь — постулатов самой перестройки. Не знаю, случайно ли совпадение в числе пунктов, но пересчитываю сегодня доклад Генерального на партконференции и думаю: он все сказал правильно. Поскольку документы конференции уничтоженной партии в нашем «демократическом» государстве, полагаю, тоже уже могут быть недоступны широкому читателю, то стоит привести цитату из доклада:

«Речь, как нам представляется, должна пойти о решении следующих основных задач.

Во-первых, сделать все, чтобы миллионы трудящихся были включены в управление страной не на словах, а на деле.

Во-вторых, открыть максимальный простор процессам саморегулирования общества, создать условия для полной инициативы граждан...

В-третьих, отладить механизм свободного формирования и выявления интересов и воли всех классов и социальных групп, их согласования и реализации во внутренней и внешней политике Советского государства.

В-четвертых, обеспечить условия для дальнейшего свободного развития каждой нации и народности...

В-пятых, радикально укрепить социалистическую законность и правопорядок...

В-шестых, четко разграничить функции партийных и государственных органов в соответствии с ленинской концепцией роли Коммунистической партии как политического авангарда общества и роли Советского государства как оружия власти народа.

Наконец, в-седьмых, создать эффективный механизм, который обеспечивал бы своевременное самообновление политической системы с учетом меняющихся внутренних и международных условий...»

Я оставил лишь основной смысл этих семи постулатов, сократив традиционные идеологические штампы, которые всегда были, есть и, наверно, будут присущи официальным речам и докладам. Но сама суть тогда сказанного отнюдь не противоречит демократии, более того — ее сутью и является. Да вот только у нас политики всегда любили слово больше, чем дело. Слово подчас и заменяло им дело, а если до него все ж доходило, то на первый план выдвигалось наиболее звонкое и популистски весомое, хотя и не всегда важнейшее. Скажем, и на партконференции не ста-

вилась одна из коренных для любой демократии задач — уравновесить, наконец, в стране три ветви власти: законодательную, исполнительную и судебную. Нет, откровенно делался крен в сторону первой.

Прежде чем Генеральному выступить на конференции, его доклад традиционно обсуждался на Политбюро. Я там опять не смолчал, сказал примерно так:

— В том, что я прочитал, вижу явную тенденцию к ослаблению исполнительной власти. Это недопустимо! Давайте четко разделим функции между тремя классическими ветвями власти. Давайте столь же четко определим границы сфер деятельности каждой из них. И даже если отдать всю — подчеркиваю: именно всю! — власть Советам, что является, на мой взгляд, неправильным, справятся ли они с нею? Сомневаюсь. А не справятся — государство может потерять управляемость...

Как вы думаете, что мне поставили в упрек? Как всегда: я защищаю Совет Министров и не понимаю требований времени. Я тогда сказал моим оппонентам все, что думаю про эти пресловутые «требования», которые вновь и вновь входят в противоречие с элементарным здравым смыслом. Резкий разговор получился, и я остался, как часто в Политбюро случалось, увы, в меньшинстве. Генеральный понимал, что идея работающих Советов обретает в народе невероятную популярность, а мелкие, на его взгляд, подробности можно продумать по ходу дела. То есть опять же на марше.

Рассказывая здесь о своей позиции в отношении всевластия Советов и о споре на Политбюро, должен подчеркнуть: я ни в коей мере не возражал против наделения их реальной властью, но считал и считаю, что это надо было делать в четко определенных законом рамках. Еще будучи генеральным директором Уралмаша, я был избран в Верховный Совет СССР. За годы своего депутатства достаточно отчетливо понял, какова истинная роль парламента страны. В подобном положении находились и нижестоящие Советы. Эту ситуацию надо было действительно менять коренным образом, но не шарахаясь, как у нас бывает слишком часто, из одной крайности в другую. И я не мог смириться с тем, что Горбачев, освобождая партию от несвойственных ей функций, явно думал не столько о нормализации соотношения между ветвями власти и, следовательно, об эффективности управления государством, сколько о том, чтобы просто перенести свое кресло со Старой площади в Кремль,

сохраняя за собой фактически все прежние полномочия и меняя лишь вывески, но не суть дела. Вот это и было главной целью реанимации ленинского лозунга 70-летней давности: была вся власть в ЦК — будет в Совете, в Верховном Совете!

В этой книге я под напором мыслей о сегодняшнем дне и завтрашних проблемах страны постоянно отступаю от хронологического и системного изложения материала. Хочу сделать это и сейчас. На протяжении полутора лет я находился в гуще парламентской деятельности, хотя членом Верховного Совета страны не был. Затем в течение года наблюдал за закатом и смертью Верховного Совета СССР и на протяжении трех лет — за эволюцией народных депутатов и в целом Верховного Совета РСФСР, а затем Российской Федерации. Сейчас перед нашими глазами деятельность Государственной думы и Совета Федерации (правда, их эфиром не балуют).

Позвольте поделиться в связи с этим некоторыми личными наблюдениями и выводами из них.

Первое. Бесспорно, истинно демократический строй предполагает наличие постоянно действующих парламентов. Но заседания и разогнанного, и расстрелянного Верховных Советов напоминали, а сейчас Федерального Собрания, особенно Государственной думы, нередко напоминают театрализованные представления со своими артистами всех жанров — от трагиков до комиков. Конечно, многое зависит не только от актеров, но и от пьесы, которую они играют. А пьеса — в данном случае ельцинская Конституция — написана так, что Госдуме отведена не столько власть, сколько ее видимость. И тем не менее существование нынешнего парламента — это реальность, с которой власть в той или иной мере вынуждена считаться.

Второе. Можно и нужно критиковать деятельность Верховного Совета СССР (старого, до 89 года), но только не самих депутатов. Многих из них я знал лично, знал, какое сито они проходят в партийных и других органах при отборе в кандидаты. Да, практически это было назначение в депутаты, правда, назначение людей трудолюбивых, честных и высокой морали. Именно эти качества людей лежали в основе отбора в представительную власть, а не крики на митингах, безудержный популизм, подкуп, подтасовки и пр., и пр. А теперь обратите внимание на биографии многих нынешних «избранников народа». Судим столько-то раз, убил парочку человек «в порядке самообороны». Ограбил

сотни тысяч своих вкладчиков, посидел немного в тюрьме и оттуда на белом коне — в парламент. Другой, не менее яркий, персонаж утащил за рубеж несколько десятков миллионов долларов, сладко пожил там, отправил по почте свое депутатское удостоверение, вернулся и через несколько недель стал снова депутатом. Американскому и прочим западным обществам подобное и не снилось!

Третье. В 89 году многие стали народными депутатами благодаря «принципиальной» критике разных привилегий, особенно тех, что были у работников парт- и госаппаратов. Однако слово «принципиальный» мне пришлось, к сожалению, взять в кавычки — захватив власть, эти люди изменились мгновенно: оклады — на уровне министров, ненавистное Четвертое главное управление Минздрава стало их любимым местом, отдых — в лучших санаториях и на лучших курортах, и т. д. Хочу напомнить этим поборникам справедливости, что у депутатов дореформенного парламента не было ни одного помощника, не было постоянной зарплаты, никаких кабинетов и офисов. Бесплатный проезд и 100, а затем 200 рублей представительских в месяц — и все. Дума занимает все здания бывшего Госплана СССР, а Совет Федерации — здание, где в 91 году размещался Кабинет Министров при Президенте СССР. И все же из обеих палат парламента идут жалобы, что жизненного пространства для плодотворной работы не хватает.

Вернемся снова в 88 год. Отдавая полноту власти Советам, говоря о том, что партия должна уйти от управленческих функций, остаться только политической силой, Генеральный в докладе вовсе не умалял ее авангардной роли. Напротив, подчеркивалось, что «без направляющей деятельности партии... задач перестройки не решить». И более того, высказывалось убеждение, что необходимо рекомендовать на посты председателей Советов первых секретарей соответствующих партийных комитетов.

Кстати, именно эта позиция и вызвала на конференции немало возражений. Люди понимали, что в таком случае, в такой форме уход партии от руководства всеми сторонами жизни, в том числе и хозяйственной, станет по сути формальным. Иными словами, Советы будут исподволь, неявно, но по-прежнему жестко и уверенно управляться партийными функционерами. Мне трудно утверждать точно, была ли эта позиция придумана специально для Горбачева, чтобы он мог возглавить будущий Верховный Совет и при этом остаться Генеральным секретарем ЦК КПСС. Не знаю, со

мной о том никто никогда не советовался. Думаю, что в основе этого предложения формально был тезис о необходимости партийного влияния на экономику, а на самом деле — совмещение должностей Генсека и Председателя нового Верховного Совета, кому отводилась «вся власть».

По стечению обстоятельств, я председательствовал на заседании конференции, на котором Горбачеву пришлось снова выйти на трибуну, чтобы убедить делегатов в правильности идеи «совмещения постов», — ее отстаивали все время вплоть до введения института президентства. Нет, даже позже — до августовского запрета на деятельность компартии... Уж не знаю, убедил Генеральный делегатов или нет, но думаю сегодня, скорее — уговорил. Во-первых, он умел это делать, а во-вторых, многие, очень многие в тот год еще плохо себе представляли, как это так — первый секретарь станет демократически подчиняться какому-то председателю Совета? Да вряд ли кто-нибудь в те дни представлял себе новые Советы с их шумным многоголосьем, упрямой непримиримостью и фанатичным желанием властвовать над всем — они были еще в завтрашнем дне.

Но «теория» вопроса продумана, проработана была. Практически вся структура будущего Съезда народных депутатов, Верховного Совета СССР и система выборов депутатов (а выборы эти, полагаю, еще у всех свежи в памяти, несмотря на ликвидацию СССР и его сравнительно демократически избранных законодательных органов) были представлены конференции и обсуждены ею. Конференция топила события.

Весной 89-го, меньше чем через год, заканчивались полномочия Верховного Совета старого созыва, выборы в который проходили сразу после смерти Андропова. Поэтому новые были назначены как раз на весну. Делегаты конференции разъехались по домам, а в аппаратах ЦК и Верховного Совета развернулась спешная работа по созданию Закона о выборах и внесению изменений в Конституцию СССР.

После принятия ее в октябре 77-го, Конституцию не пересматривали, она оставалась стабильной, какой и предполагается, в принципе, ей быть в качестве Основного Закона страны. Первые изменения в нее были внесены именно в связи с системой Советов и выборами в них. К сожалению, дело на этом не остановилось. Оказывается, стоило только начать перекраивать Конституцию, чтобы этот «творческий процесс» стал хроническим и неуправляемым. С нею по-

ступали, как с черновой тетрадкой, черкали ее как ни попадя, а в итоге и вообще похоронили.

Я вовсе не против конкретных изменений в ней, которые продиктованы жизнью, ее развитием, да еще когда они, эти изменения, пойдут на благо страны. Я лишь против спринтерской поспешности, с которой тогда взялись за дело, против неуважения к Основному Закону, которое, естественно, рождает такое же отношение и ко всем другим. Ну, скажите, кто заставлял так торопиться? Ну, скажите, разве не полезнее было вдумчиво потрудиться и создать совсем новую Конституцию, учтя в ней все возможные «требования времени»? Была «брежневская», стала бы «горбачевская»...

Но это — так, к слову. Даже не отступление.

А споров вокруг нового Закона о выборах было много. Совет Министров в них участия не принимал. Но я, как член Политбюро, регулярно читал все документы и, бывая на его заседаниях, не мог не высказывать своего мнения о тех или иных проблемах. Не исключаю, что кое-какие из моих недоуменных вопросов и даже возражений возникали именно от спешки, от невозможности серьезно продумать предложения к Закону, посоветоваться со знающими людьми. Мы получали документы чаще всего вечером, накануне утренних заседаний, иной раз не только посоветоваться — прочесть их внимательно времени не хватало. Вполне возможно и другое: именно из-за той же поспешности что-то я поначалу пропустил, каких-то явных нелепостей не углядел. Не стану перечислять все, что вызывало или, наоборот, не вызывало в то время у меня сомнения. Назову лишь те из них, которые позже были подкреплены жизненным опытом, точнее — опытом короткого существования новых для страны институтов власти.

Во-первых, я не очень понимал, зачем нужен Съезд. В своем докладе на конференции Генсек туманно объяснил его необходимость тем, что в нем, в Съезде народных депутатов, «будет сильно и прямо выражено общественное начало». Очень хочется скаламбурить и добавить, что «общественный конец», как оказалось впоследствии, был выражен еще «сильнее и прямее». Но дело здесь не в проблемах трибунного словотворчества, о котором я не раз уже говорил с иронией, а в самой сути сказанного. Горбачев попросту перефразировал ленинскую идею Съезда как «широкого народного собрания», иными словами — некоего народного схода, на котором можно вольготно наговориться. А все конкретные дела все равно станут решаться на заседаниях

рабочего Верховного Совета, а то и его Президиума. Так и вышло.

Съезды же превратились в многодневные митинги «без руля и без ветрил», отличавшиеся от московских митингов где-нибудь в Лужниках или на Манежной площади (в свое время излюбленной «демократами», а затем разрытой до основания, дабы их оппоненты слишком близко к Кремлю не собирались) лишь тем, что первые напрямую, в течение многих часов, транслировали по телевидению и радио. Раз уж я упомянул телерадиотрансляции, то замечу, что они, на мой взгляд, дурно влияли на атмосферу заседаний как Съезда, так и сессий Верховного Совета. Многие депутаты, желая продемонстрировать своим избирателям собственную бурную активность, подолгу и часто занимали микрофон, легко подменяя деловое обсуждение бесконечным словоизвержением. Если я не ошибаюсь, в Англии попробовали по нашему примеру транслировать по телевидению заседания Парламента, но очень скоро отказались от этой идеи, успев продемонстрировать лишь еще раз, что бацилла популизма внеациональна.

Малопонятным было и то, почему депутатов — именно 2250 человек? Откуда такая странная «некруглая» цифра? Если уж «широкое народное собрание», то логичнее — 5000: ведь в Кремлевском Дворце съездов, где намечалось проводить Съезд, именно столько мест...

Может, я был и остаюсь излишне критичным по отношению к Съезду как институту народовластия, но стоит, к слову, заметить, что подобный орган существовал только в СССР и РСФСР, а остальные бывшие республики Союза разумно избежали создания нового неповоротливого и непродуктивного организма. Но он, тем не менее, был высшей государственной властью. Так почему же он не собрался в последний раз, чтобы принять конституционное решение о роспуске бывшего государства под названием СССР?

Говоря о высшей государственной власти и передаче ее во всей полноте Советам, не могу не вспомнить фотографию правозащитника Андрея Сахарова, обошедшую весь мир. Почтенный академик стоит на площади с плакатом на груди, где крупными буквами написан лозунг: «Вся власть Съезду народных депутатов!» И на Первом съезде народных депутатов он не раз поднимался на трибуну Кремлевского Дворца съездов, излагал свои взгляды, в том числе и о Советах. Он старался убедить, иногда путанно и отрывочно, что высшей государственной властью в стране должен быть

Съезд народных депутатов, а на местах вся власть должна принадлежать Советам. Со временем стенографические отчеты становятся неоценимым историческим материалом, они беспристрастно передают выступления, официальные речи, атмосферу событий. Приведу небольшой отрывок из стенограммы Первого съезда народных депутатов 1 июня 1989 года, незадолго до его окончания. Председательствовал Горбачев.

«Председательствующий. Товарищи, я должен проинформировать вас, потому что ни я, ни Президиум не можем взять на себя решение такого вопроса. Депутат Сахаров Андрей Дмитриевич настоятельно просит дать ему слово. (Шум в зале.)

Сейчас, одну минутку... Товарищи, давайте определимся. Будем давать слово? (Шум в зале.) Мне кажется, давайте мы попросим Андрея Дмитриевича уложиться и высказать в пять минут свои соображения. Здесь вот еще просьба, что, например, Общество театральных деятелей считает ненормальным, что от него, несмотря на настоятельные просьбы, товарищу Лаврову не дали ни разу выступить. (Шум в зале.)

Сахаров А. Д. Товарищи депутаты! На вас ложится огромная историческая ответственность, необходимы политические решения, без которых невозможно укрепление власти советских органов на местах и решение экономических, социальных, экологических, национальных проблем. Если Съезд народных депутатов не может взять власть в свои руки здесь, то нет ни малейшей надежды, что ее смогут взять Советы в республиках, областях, районах, селах».

Далее он обосновывал эти положения некоторыми конкретными предложениями.

Я не случайно вспомнил об этом ярком эпизоде. Ведь А. Д. Сахаров, которого считали в нашей стране «отцом демократии», связывал ее именно с Советской формой государственного устройства. Он четко зафиксировал это в своем проекте Конституции. И как же тогда понимать тех, кто, до сих пор клянясь именем Сахарова, в одночасье уничтожил власть Советов?..

Итак, я весьма скептически относился к самой идее Съездов народных депутатов СССР и РСФСР. Другое дело — Верховный Совет. У меня к этому органу народовластия уважительное отношение. Взаимной любви у нас не было и быть не могло, так как сама природа взаимоотношений Парламента и Правительства основана на противо-

речиях. Полтора года довольно тесного общения вплоть до моего фактического ухода в декабре 90-го прошли в состоянии худого мира или доброй ссоры — это уж с какой стороны смотреть. Но Верховный Совет и Правительство постепенно учились работать вместе, находить не всегда легкие общие решения.

Но в то же время я не мог оправдать членов Верховного Совета в том, что они забрали себе право на обсуждение и разрешение всех вопросов — от законотворчества до хозяйствования в стране, зачастую подменяя исполнительную, а порой — и судебную власть. Я так и не понял, почему Верховный Совет едва ли не буквально скопировал структуру ЦК КПСС с его отраслевыми отделами и секторами, только роль отделов и секторов в этом Совете исполняли комитеты и комиссии, причем исполняли куда активнее, ретивее, куда более бескомпромиссно, нежели партийные функционеры. И теми же методами, но пожестче и, на беду, далеко не всегда профессионально.

Может, иной структуры и иных методов никто просто и предположить не мог, а уж не только придумать и организовать, ибо стереотип мышления во все времена довлеет над «людьми аппарата». Увы, но многие народные избранники, к сожалению, легко и быстро превратились именно в таких людей. Думаю, правда, что надо сделать скидку на становление этого органа, который, к сожалению, прожил лишь половину отведенного ему срока. А на мои вопросы есть один ответ: власть в виде определенной структуры, возглавлявшейся Горбачевым, автоматически переводилась из ЦК в Парламент, точнее — в его аппарат.

К числу недоуменных относится и такой вопрос: почему столь легко родилась и прошла рифы обсуждения идея о неперменной ежегодной ротации в Верховном Совете? То есть формально-то она ясна: носителям лозунга «Вся власть Советам!» хотелось, чтобы за пять лет от выборов к выборам через постоянно работающий Верховный Совет прошли все народные депутаты. Все 2250 человек. Но по сути эта идея представляется мне опять-таки просто популистской.

Парламент в демократической стране призван законодательно регулировать ее жизнь, а это требует если и не высокого профессионализма, то, по крайней мере, многолетнего, накопленного опыта. Помню, было суждение: как раз непрофессионалы и бездельники будут ежегодно выпадать из Верховного Совета, а люди, обретшие опыт и умеющие его применять на практике, останутся. Интересно бы

знать, любопытствовал в ответ я, кто станет определять непрофессионалов и бездельников? Каким прибором? Нет, говорил я, боюсь, что идея ротации приведет к вымыванию из Верховного Совета инакомыслящих, чьи мысли и действия не совпадут с общей линией.

Верховный Совет успел пережить всего лишь одну ротацию, но и она показала, что во многом я оказался прав. «Диссидентов» там не жаловали, да они, в основном, сами и ушли.

Управлять Парламентом нового типа без опыта и традиций было весьма трудно. К тому же Первый съезд народных депутатов — этот многолюдный и многодневный митинг — дал своему отпрыску не самый лучший пример. Анатолий Иванович Лукьянов, сначала де-факто, а потом и де-юре бессменно руководивший Верховным Советом, и вправду оказался очень хорошим кормчим, и я искренне восхищался его властным умением вести этот Ноев ковчег сквозь бури и рифы. Другое дело, что корабль Совета зачастую плавал по мелководью. Вместо того чтобы создавать действительно жизненно необходимые законы и делать это по строгому плану, а не как Бог на душу положит, Совет терял время на не всегда первостепенные вопросы регламента, занимался отнюдь не важнейшими законодательными актами, а то и просто, повторяю, влезал в хозяйственную повседневность, изрядно портя нервы мне и министрам.

— Вы в Совете Министров принимаете излишне много постановлений, решений, которые носят характер подзаконных актов или даже попросту незаконны, — упрекали меня народные депутаты.

— Жизнь-то не стоит, — отвечал я им, — жить-то надо. Вы нужных законов не принимаете, а те, что приняты, во многом расплывчаты и неконкретны. Если б мы в Совмине ждали вас, то экономическая жизнь затихла бы и встала. Вы уж извините, но мы работали и будем работать, а если вы нам поможете хорошими законами, спасибо скажем...

Прочитав этот диалог, кто-то из читателей может меня спросить: так значит, вы оправдываете нынешнюю практику издания указов и постановлений вместо законов? Нет, мы принимали постановления, если законов не было. Сейчас указы и постановления издаются слишком часто потому, что исполнительная власть не согласна с законами, разрабатываемыми парламентом, в обход их.

И еще одно: при всем моем, мягко говоря, недовольстве многословной, а то и вздорной деятельностью Верховного Совета СССР, не могу не отметить явный рост профессионализма и просто серьезности его членов. Начинали с митинговых криков, а уж через год в первом составе Совета выросло, именно выросло, другого слова не подберу, немало умных, тактичных и серьезных политиков, которые потихоньку превращались в профессионалов своего дела, потому что хотели ими стать, стремились к этому, умели учиться, в том числе и на собственных просчетах. В этом смысле наш Верховный Совет становился все более цивилизованным, что ли, поскольку во всех странах мира политикой занимаются как раз профессионалы, они управляют государством. Но ими надо стать, иметь призвание к этому и учиться.

Хотя, если честно, мне более по сердцу мучительные раздумья шофера такси, не умеющего, жизнью не приученного все и вся решать с ходу, чем нераздумывающая, нерассуждающая смелость юных младших научных сотрудников, которых жизнь просто-напросто не успела ничему научить. А алломба у них, особенно у нынешних, — на целый таксомоторный парк...

Время спешило к весне, выборы назначены были на 26 марта 89 года. Закон о выборах, как и изменения в Конституции, были обсуждены всенародно и приняты, борьба кандидатов в депутаты за голоса избирателей развернулась нешуточная. Оставалось только дожидаться последнего воскресенья марта, прийти на избирательный участок и опустить в урну бюллетень с именем своего избранника. И вот здесь, на мой взгляд, создатели Закона о выборах испугались... демократии. Я имею в виду законодательно предусмотренную раздвоенность грядущего депутатского корпуса, в котором часть избранников — 1500 человек — должна была пробиться сквозь густые тернии выборов по территориальному принципу, а другая — 750 человек — легко и безболезненно попадала на Съезд, избранная (или все же назначенная?) пока еще послушными властям общественными организациями.

Естественно, что они, в том числе творческие союзы, в первую очередь выдвинули своих руководителей, которые все, как правило, стали депутатами. Естественно и то, что депутаты, всерьез сражавшиеся с соперниками в округах, потом весьма антагонистически относились к безмятежно прошедшим в депутатский корпус коллегам.

Не могу утверждать, что сразу увидел ошибочность по-

добной системы жесткой предопределенности в выборах. Никогда особенно не верил утверждениям, что таким образом общественные организации получают дополнительный канал прямого воздействия на властные структуры — это не более чем аргумент в не слишком честном споре. Но я наивно полагал поначалу, что в отсутствии многопартийности представительство на Съезде и в Верховном Совете различных союзов, обществ и других организаций даст более или менее, но все же плюралистский парламент. Однако наивности моей хватило не очень надолго.

Честно говоря, плюрализмом здесь не пахло. Не самый демократический принцип царил уже на этапе составления списка «750-ти». 100 человек — от девятнадцатимиллионной КПСС, 100 — от двадцатимиллионного комсомола, 100 — от едва ли не двухсот миллионов членов профсоюза! И так далее... Вряд ли кто-нибудь взялся бы объяснить такое неравное представительство. К тому же получалось, что одни и те же люди выбирали нескольких депутатов.

Возьмем хотя бы членов ЦК КПСС. Сначала они выбирали депутатов от партии. Потом (пусть и опосредованно) от профсоюзов — каждый из нас являлся членом какого-либо профсоюза. Потом по месту жительства — от территории. Примерно то же можно сказать и об академиках, и о писателях, и о художниках, и о защитниках мира... В то время как рядовые граждане страны новых Советов могли использовать право выбора лишь однажды — от территории. К слову, возвращаясь к нам, избранным и выбиравшим депутатов от КПСС, не могу не отметить, что всеми демократами осужденная «красная сотня» составлена была по старому и, на мой взгляд, хорошему партийному принципу: и секретари, и писатели, и ученые, и рабочие, и крестьяне в ней были. Правда, выбирали сто из ста, альтернативности никакой не было. У меня будет еще возможность высказать свое мнение об участии представителей всех слоев населения в выборных органах, а сейчас скажу лишь, что через год на выборах на российский Съезд народных депутатов этот принцип уже не применялся.

Ну, а тогда сразу после подведения итогов выборов состоялось заседание Политбюро, на котором мы опять не сошлись с Генсеком в оценке результатов выборов. Горбачев был приподнято-радостным. Выборы, утверждал он, показали огромный авторитет компартии у народа: 87 процентов депутатов — члены КПСС... Вопреки обыкновению, он начал разговор на ПБ первым, словно хотел собственным

авторитетом утвердить победу, предчувствуя возможные возражения. Однако некоторые другие участники заседания были настроены иначе. Партия проиграла выборы, сказал я. Тридцать руководителей местных партийных организаций, выдвинутых по национальным и территориальным округам, позорно и шумно провалились, проиграв куда менее маститым и известным, но более «убедительным» соперникам.

— Но тоже членам партии! — утверждал Горбачев.

— Их выбирали не за членство в КПСС, — не соглашался я. — Наоборот, они нигде и не подчеркивали его.

Это, к величайшему сожалению, не частный случай, говорил я. Это тревожный симптом, указывающий нам на то, что партия сильно отстает от тех перемен, которые она же и начала. Складывается впечатление, что руководство КПСС спокойно почilo на лаврах зачинателей перестройки и, уверенное в своем незыблемом авторитете, не хочет видеть, что само-то действует прежними методами. Да разве кто-нибудь из тех тридцати проигравших, спрашивал я, боролся со своими удачливыми соперниками? Боюсь, что нет, — сам и отвечал. Боюсь, говорил, что, как и в прошлые времена, они считали, будто какому-нибудь партбоссу достаточно всего лишь приказать членам своей первички проголосовать за областного партийного лидера, и все они немедленно и беспрекословно сделают это. Не те времена! И выборы как раз и показали, что время незыблемых авторитетов кануло в Лету, что авторитет нынче надо завоевывать ежедневно всем и каждому и что партия и ее руководители здесь — не исключение. И не надо думать, что выборы проиграли тридцать конкретных лиц. Выборы проиграла именно партия, которая доверила представлять себя этим лицам.

Увы, но руководство партии — от районных секретарей до членов Политбюро — еще не очень, видимо, осознавало эти довольно простые истины. Послевыборная эйфория закончилась быстро — тогда, когда большинство из этих 87 процентов начало поспешно и громко покидать КПСС. Конечно же, никакое это было не прозрение с их стороны, а всего лишь элементарное предательство. Но ведь это был тревожнейший сигнал! Он означал, что быть членом партии становилось непопулярно. И тем не менее даже тогда, когда эта «эмиграция» из партии стала опасно массовой, руководство КПСС бестрепетно уверяло: пусть, мол, крысы бегут с корабля. Курс верен, маршрут проложен, ход неизменен... Вот эти-то «верность и неизменность», нежелание перестра-

иваться самим, чрезмерная самоуверенность и неумение слышать достаточно громкие сигналы тревоги и привели компартию к августовской гибели.

Меня спросят: выходит, вы предполагали подобный финал?

Нет, отвечу, на такое у меня воображения не хватило. Я хотел лишь, чтобы в коридоры партийной власти ворвалась та жизнь, которая и родилась-то — как идея — в этих коридорах и уже всю царила за их пределами.

Впрочем, я повторяюсь. Об этом уже сказано в главах о партии...

И все же я с большим удовлетворением вспоминаю эти первые в истории страны демократические выборы. И пусть в их ходе было много ошибок, нелепостей, нелюбимого мною популизма, не самой честной борьбы — не в том суть! А в том, что в жизни каждого гражданина, достигшего избирательного возраста, появилась, наконец, действительная свобода выбора власти. Хотя бы даже в том свобода, что он мог никого не выбирать, если его не устраивал ни один из кандидатов. И как все первое, выборы сопровождал хорошо подзабытый к тому времени дух энтузиазма, который всегда помогает человеку жить.

Первый съезд первых демократически избранных народных депутатов открылся в Кремлевском Дворце съездов 25 мая 1989 года в 10 часов утра... Сегодня нет Советского Союза, нет Съезда и Верховного Совета СССР, демократически избранные народные депутаты спрятали в долгие ящики свои депутатские значки — внушатам на память. Но и всем полезно было бы помнить, что роспуск Съезда и Верховного Совета СССР был первым звонком в череде «демократических» извращений власти в России после августа 91 года. И сделал это Верховный Совет РСФСР — тот самый, который всего через два года был расстрелян из танковых пушек... Да, но именно тот весенний, майский день открытия Первого съезда народных депутатов СССР был пиком демократии в нашей бывшей и в нынешней стране. Дальше она, демократия, сразу стала мешать тем, кто с ее помощью обрел власть. Впрочем, разговор о том — позже.

А пока всего лишь два не очень веселых воспоминания о Съезде. Первое — его нежелание поддержать вполне разумное, оправданное общим демократическим настроением предложение академика Сахарова выслушать платформы кандидатов на пост Председателя Верховного Совета СССР.

Не прошло. Поскольку, как потом выяснилось, кандидат был всего один, он предпочел сначала быть избранным, а уж потом выступить с докладом. И хотя еще до выборов с трибуны Дворца съездов прозвучали сомнения в целесообразности совмещения двух постов, депутаты эти выступления не поддерживали. Их можно было понять: в те дни Горбачеву альтернативы не видели.

Выборы его на пост Председателя обещали быть чисто формальным актом, вот почему общий смех вызвало самовыдвижение на тот же пост депутата А. Оболенского. Действительно — смешно! Какой-то никому не известный житель города Апатиты хочет померяться силами с самим Автором Перестройки... Но в том-то и дело, что этот никому не известный человек своим истинно гражданским поступком хотел всего лишь... укрепить едва рожденную демократию. Я напомню его слова: «Ведь я прекрасно понимаю, что шансов в борьбе с Михаилом Сергеевичем Горбачевым у меня никаких. Я хочу, чтобы в нашей истории, в нашей с вами практике возник прецедент проведения выборов. Пусть это и не совсем альтернативная основа, но это — выборы».

Он даже не попал в бюллетень для голосования. Мы, депутаты, не захотели или, точнее, еще не сумели понять, что однажды рожденная и объявившая об этом событии демократия требует ежечасного, ежеминутного, ежесекундного подтверждения собственного существования. Даже в мелочах. Тем более в мелочах! И коли говорить о неприятно резанувшем, так это то, что Горбачев счел за лучшее промолчать. Не пытаюсь угадать мотивы его молчания, но думаю, что он тоже не сумел правильно оценить смысл поступка Оболенского. А жаль...

Вот, пожалуй, и все о неприятном. Так — булавочные уколы совести на фоне действительно памятных дней. Для меня тем более памятных: на заседании нового Верховного Совета СССР утром 7 июня, а потом и на заседании Съезда вечером того же дня меня назначили и утвердили в должности Председателя Совета Министров страны. Скажете: вы и без того были им и вряд ли сомневались в том, что у вас есть конкуренты на этот пост. Но я не соглашусь. Это было не формальное назначение. Долго я стоял на трибуне в тот день, докладывал о программе предстоящей деятельности Правительства и отвечал на многочисленные вопросы.

Я стал первым и последним Председателем Правитель-

ства СССР, утвержденным именно Съездом. Не стоит думать, что это — пустяк, рутинный процесс. Все на том Съезде было первым. И первые ошибки, и первые радости. А что до веры в неизбежность моего избрания, в безальтернативность его, так последующие акты «чистилища» во время назначения Верховным Советом предложенных мной членов Правительства явственно показали характер депутатов — строптивый и не слишком логичный.

10 июня, уже в роли законного Председателя, я докладывал членам Верховного Совета СССР наши соображения по структуре и принципам работы Совета Министров. При чем опять подчеркну: я постоянно оговаривал, что и структура, и деятельность Совмина имеются в виду лишь на современном этапе. Я не собирался строить систему управления на века, ибо та экономическая реформа, которая шла в стране, предполагала, как уже не раз сказано в книге, постоянное реформирование этой системы. Я предложил Совет Министров, состоящий из 57 министерств и ведомств. То есть, по сравнению с прежней структурой, упразднению подлежало 25 подразделений. Впрочем, в число 57 входили и совсем новые, продиктованные ситуацией. Например, Госкомиссия Совмина по экономической реформе, на пост председателя которой и моего заместителя предлагался академик, директор Института экономики АН СССР Леонид Иванович Абалкин. Или Госкомиссия по чрезвычайным ситуациям, которую должен был возглавить другой мой заместитель Виталий Хусейнович Догужиев. Или, тоже новая, Госкомиссия по продовольствию и закупкам, которая отнюдь не была прежним Агропромом, а становилась центром по координации работы сельскохозяйственных ведомств на местах.

Подбирая себе «команду», я хотел, чтобы она работала именно как команда, а не как некая сумма единиц. Всех кандидатов на посты моих замов, председателей комитетов и комиссий, министров я знал лично. Был ли я уверен, что не ошибся ни в ком? И тогда считал, и сегодня считаю, что подобной уверенности быть не могло. Люди есть люди. Тем более что многие шли на новые для себя посты. Покажите мне руководителя, который ни разу за свою жизнь не ошибся в выборе подчиненных. Нет таких! Более того, открою маленький «секрет». Столкнувшись сам на сессии и на Съезде с новым депутатским корпусом, я отнюдь не предполагал, что все мои кандидаты пройдут сквозь его сита без сучка и задоринки. И поэтому у меня, как в отряде

космонавтов, у каждого кандидата был свой дублер. Не хочу их называть сейчас, ибо тогда они даже не знали, что я их имею в виду, а позже и не узнали, потому что абсолютное большинство предложенных мною кандидатур было одобрено сессией Верховного Совета. Приведу лишь один пример «дублерства».

На пост главы Комиссии по продовольствию и закупкам я прочил тогдашнего первого секретаря Волгоградского обкома КПСС Владимира Ильича Калашникова. Это был тот случай, когда сам я не слишком хорошо знал кандидата, больше слышал о нем, хотя и встречался, и разговаривал с ним не однажды. Рекомендации ему давали люди, которым я верил, да и впечатление от встреч с кандидатом осталось неплохое. Я знал, что он много сделал в Волгоградской области для развития сельского хозяйства, особенно — мелиорации. (Будучи в 94 году в этой области, я убедился, что народ до сих пор помнит его и ценит.) Но Комитет Верховного Совета по вопросам сельского хозяйства Калашникова «притормозил». Более того, настоял на встрече лично со мной.

Я приехал на Калининский проспект, где заседал этот Комитет. Калашников тоже был на заседании. Участники встречи много и подробно говорили о ситуации в сельском хозяйстве, затем заявили, что волгоградский секретарь не подходит на пост руководителя такой важнейшей отрасли. Позвольте, говорил я им в ответ, о какой отрасли речь? Госагропром мы с вашей помощью похоронили. Руководить сельским хозяйством из Центра не собираемся, в этом решении и ваш посильный вклад имеется. Речь идет лишь о координации деятельности сельскохозяйственных подразделений в республиках, на местах. А вы что, опять министерство хотите? Опять вам «монстр» требуется?

Короче, понял я, что Калашников не пройдет. Нашла коса на камень. Отыскал глазами Калашникова в зале, спросил громко:

— Владимир Ильич, вы не будете возражать, если я сниму вашу кандидатуру?

— Не буду, — подтвердил Калашников.

— Ну вот и ладно, — подвел я итог. — Мне пора. Спасибо за встречу.

— Пойдите, — вскричал кто-то из «сельхозников». — У нас есть своя кандидатура.

Я догадывался об их кандидатуре.

— Нет уж, — возразил, — позвольте мне самому назвать

нового кандидата. Это мое конституционное право. Опять не согласитесь — опять стану думать. Но сам.

С тем и уехал. А спустя неделю, если не ошибаюсь, предложил Сельхозкомитету кандидатуру бывшего зампреда российского Агропрома Владилена Валентиновича Никитина, между прочим — члена этого самого комитета Верховного Совета. Никитин не из ничего возник. Во-первых, я сам его в уме держал. Мне его рекомендовали люди, знавшие его по работе в Тюмени и в Москве. Во-вторых, моя «разведка» донесла, что комитетчики положительно к нему отнесутся. Да-а, с новым депутатским корпусом ухо востро надо было держать, так что о «разведке» — хоть и шутка, но не без большой доли правды.

Никитина утвердили.

Как утвердили и Л. И. Абалкина, кандидатура которого возникла в дни XIX партконференции. На ней он выступил достаточно остро, вызвал гневную отповедь со стороны Горбачева. В перерыве между заседаниями он стоял один-одинешенек перед Дворцом съездов, курил, отрешенно смотрел в небо. Чуткие к ветрам власти партийные делегаты уже сторонились его, на всякий пожарный, как чумного, — еще бы, сам Генсек академика осудил! Обозлило это меня крайне, никогда не понимал и не принимал подобного лизоблюдства и хамства. Подошел к Леониду Ивановичу, разговорились, подздравил, кстати, с толковым выступлением на конференции — оно мне и впрямь таким показалось. Хотя он критиковал в основном положение дел в экономике, но это была критика профессионала. В конце разговора предложил зайти на днях. Он и зашел. А позже я ему предложил прийти ко мне замом по экономике. Он подумал-подумал и согласился.

Сегодня гуляют легенды, что бдительные депутаты крепко пошерстили предложенный Рыжковым состав Правительства. Не хотелось бы обижать творцов этих легенд, но ничего не поделаешь: правда есть правда. А состоит она в том, что из предложенных мною 69 кандидатур «зарублено» было на комитетах и комиссиях всего шестеро. И на Верховном Совете — еще трое. Итого — девять. 13 процентов от общего числа. Да и не пропускали их «в должность» не из-за личных качеств, а из-за положения дел в той отрасли, которую они, как предполагалось, должны были возглавить.

Взять хотя бы историю с утверждением Николая Семеновича Конарева на пост министра путей сообщения. Еле-

сле утвердили. Со скрипом. А все из-за того, что ситуация у нас на железных дорогах — аховая, мягко говоря. И кого на сей пост ни поставь, он в два счета рельсы не переложит, насыпи не пересыпет, электро- и тепловозный и вагонные парки не обновит. Конареву, в отличие от любого другого кандидата, изучать положение дел в отрасли не надо было.

Не могу не сказать, как разыгрывался фарс вокруг этого человека. Народный депутат из Чечено-Ингушетии С. Гаджиев устроил во время представления Конарева буквально его травлю, в чем только ни обвинял этого человека. Я достоверно знаю, кто его подбил на это, но не называю имен, так как не располагаю документальными данными. Этот будущий академик и «премьер в обозе» (я не случайно взял это выражение в кавычки: в конце 94 — начале 95 года он продвигался с тыловыми частями российских войск в Чечне) почему-то молчал, когда через три года поезда через эту республику стали проходить ограбленными, а затем и вовсе движение прекратилось. Ну, а в то время наш «правдолюбец» устроил травлю человека, который все отдавал своему делу, а не болтал языком.

Видно, все же я неплохую «команду» предложил, если после трехнедельного изнурительного обсуждения кандидатур ее в основном утвердили. «Команда», считаю, и вправду была сильной: 6 академиков и членов-корреспондентов Академии наук, 23 министра, имеющих ученые степени докторов и кандидатов, 37 крупных хозяйственников, по-настоящему знающих жизнь. И заслуга наша в том, что мы не превратились, как это было прежде, в податливый инструмент в чьих-то «руководящих руках» — извините за невольную тавтологию. Мы были самостоятельным правительством, и впереди у нас было полтора тяжелейших года. И уж раз у нас не получилось повернуть страну на ту дорогу к рынку, которую мы считали наиболее верной, не успели, не дали нам сделать это спринтеры от экономики, — так сами себя в том и виним. Ни на кого другого ответственность за это не сваливаем.

Правительство Рыжкова и сейчас не забывают. Кто-то сравнивает наши действия с нынешними, а кое-кто все выискивает оправдание сложившейся теперь ситуации в уже далеких 89 и 90 годах. Не ищите. Я сам дал вам ответ. Мы с реальных позиций смотрели в будущее и все делали, чтобы не ввергнуть страну в экономический хаос. Я, помню, сказал на прощание:

— Вы еще будете вспоминать это Правительство...

Читаю газеты, смотрю телевизор: похоже, я оказался прав.

В этой главе я подробно остановился на событиях, связанных непосредственно с попыткой реализовать в новых условиях старый лозунг «Вся власть Советам!». Для некоторых то было время демократического романтизма, для других — активной борьбы за изменение общественного строя, а для кого-то этот лозунг был лишь дымовой завесой. К первым я бы отнес, скажем, академика Сахарова — на мой взгляд, он, во многом будучи орудием в чужих опытных руках, сам искренне верил в этот лозунг, видя в его реализации путь к совершенствованию политической системы в стране. Вторые же — не буду их перечислять — использовали эту формулу как прикрытие для своего продвижения к власти и уничтожения и самого строя, и страны.

Первый съезд был лишь началом этой жесткой борьбы за власть, которая закончилась во второй половине 91 года. Оппозиция, взявшая на вооружение повальную критику недостатков в жизни страны, постепенно набирала силу. Популизм, отсутствие каких-либо моральных ограничений, лозунг о передаче власти Советам и требование ликвидировать руководящую роль КПСС умело использовались «демократами» для достижения их целей.

Выдвинутый Горбачевым лозунг передачи всей власти из рук ЦК КПСС в руки Советов был подхвачен оппозицией для борьбы с партией и государством, для изменения общественного строя. Но стоило ей прорваться к рычагам управления страной, на повестку дня был поставлен новый, противоположный предыдущему лозунг: «Долой власть Советов!»